

Княгиня
С. Н. Голицына

Князь
А. В. Голицын

Нам не дано предугадать

Правда двух поколений
в воспоминаниях матери и сына

РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО • РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО • РУССКОЕ ДУХОВЕНСТВО • РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Семейный архив

Софья Голицына

Нам не дано предугадать

«Никея»

УДК 821.161.1
ББК 84+86.372

Голицына С. Н.

Нам не дано предугадать / С. Н. Голицына — «Никея»,
— (Семейный архив)

ISBN 978-5-907202-29-0

Эта книга – уже третье по счету издание представителей знаменитого рода Голицыных, подготовленное редакцией «Встреча». На этот раз оно объединяет тексты воспоминаний матери и сына. Их жизни – одну в конце, другую в самом расцвете – буквально «взорвали» революция и Гражданская война, навсегда оставив в прошлом столетиями отстроенное бытие, разделив его на две эпохи. При всем единстве незыблемых семейных нравственных принципов, авторы представляют совершенно разные образы жизни, взгляды, суждения.

УДК 821.161.1

ББК 84+86.372

ISBN 978-5-907202-29-0

© Голицына С. Н.

© Никея

Содержание

От редакции	6
Княгиня Софья Николаевна Голицына	7
Предисловие	8
Воспоминания	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Голицын, Софья Голицына
Нам не дано предугадать. Правда двух
поколений в воспоминаниях матери и сына

*Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р19-908-0290*

© ООО ТД «Никея», 2020

* * *

От редакции

Оба текста воспоминаний печатаются впервые, по рукописи. Воспоминания князя А. В. Голицына переведены с английского О. А. Несмеяновой. Воспоминания княгини С. Н. Голицыной приведены с минимальными сокращениями, сделанными во избежание повторов. Сокращенные фрагменты текста обозначены угловыми скобками.

Особенности авторской лексики сохранены без изменений, за исключением ряда моментов, где неправильное словоупотребление искажает саму авторскую мысль. Тексты обоих авторов печатаются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. В некоторых случаях по усмотрению редакции сохранено старое написание заглавных букв. Там, где у автора одинаковые слова с теми же значениями встречаются в разных написаниях – со строчной и с заглавной, – оставлено то написание, которое встречается у автора в большинстве случаев.

Географические названия, а также многие имена и фамилии, названия отелей, музеев, театров, произведений искусства и пр. в воспоминаниях С. Н. Голицыной встречаются на разных языках. Для удобства читателей некоторые из них, не подлежащие переводу, приведены к единообразию или даны на русском.

Благодарим Георгия Сергеевича Голицына, правнука княгини С. Н. Голицыной, за всестороннюю бесценную помощь в предоставлении, создании и подготовке материалов книги.

Благодарим потомков А. В. Голицына за разрешение напечатать перевод его воспоминаний и фотографии из архива.

Благодарим за помощь в переводе отдельных слов и выражений с французского языка Марию Георгиевну Голицыну. Там, где, помимо перевода, есть ее примечания, они указаны в постраничных сносках как *Прим. М. Г. Голицыной*.

Благодарим Анну Георгиевну Голицыну за предоставленные фотографии из семейного архива и помощь в их подготовке к печати.

Княгиня Софья Николаевна Голицына (1851–1925)

*Супруга князя Владимира Михайловича Голицына, Московского губернатора, а затем
Московского городского голов*

Предисловие

Софья Николаевна, рожденная Делянова, происходила из видной армянской семьи. Ее отец Николай Давыдович был директором Армянского Лазаревского института в Москве (там сейчас посольство Республики Армения), а ее дядя Иван Давыдович дослужился до министра просвещения и графского титула. Портрет ее деда, Давыда Абрамовича Делянова, находится в Галерее генералов 1812 года в Эрмитаже. Ее бабушка была из богатейшей семьи армян Лазаревых. Мать Елена Абрамовна, рожденная Хвощинская, происходила из старинной дворянской фамилии, известной с XVI века. Хвощинские состояли в родстве с князьями Горчаковыми, Волконскими, Толстыми и др. Канцлер Александр Михайлович Горчаков, лицейский друг Пушкина, был старшим братом ее бабушки.

Эти воспоминания написаны уже после революции, когда не все детали, учитывая многочисленные обыски и аресты, следовало записывать. Но многие красочные подробности она рассказывала своим внукам. Один из них, писатель Сергей Михайлович Голицын, передал их нам, своим детям. Особенно четко я вспомнил один рассказ, когда, будучи в Лондоне в конце лета 2005 года, увидел памятник почтенному джентльмену на низком постаменте. Это был король Эдуард VII, правивший в 1901–1910 годы после своей матери, королевы Виктории, бывшей на троне с 1839 года.

Этот рассказ касается бала 1875 года в Колонном зале Московского дворянского собрания по случаю свадьбы Марии, дочери государя Александра II, с герцогом Эдинбургским. На свадьбу были приглашены наследники правящих домов Европы. Оркестр заиграл танцевальную музыку. Когда на балу присутствовал царь, то только он мог начинать танцы. Заиграла музыка, и прабабушка Софья Николаевна, 24-х лет, увидела, что царь направляется к ней! По окончании танца наследные принцы толпой бросились к прабабушке. Самым расторопным оказался принц Уэльский. Как он хорошо танцевал, какие милые комплименты и шутки он ей говорил, словом, весь танец ее развлекал. «Такой милый!» – вспоминала она. Следующим партнером был Вильгельм, будущий германский император. Тот, высокий, ни разу даже не взглянул на нее, не сказал ни единого слова. «Противный...» – заключила прабабушка.

Выбор государем Софьи Николаевны на танец не был случайным. Ее свекровь Луиза Трофимовна, рожденная графиня Баранова, была старшей сестрой Эдуарда, Александра и Павла Барановых, друзей детства Александра II, воспитывавшихся вместе с ним. Царь очень ценил эту дружбу и после визита к генерал-губернатору всегда посещал усадьбу на Покровке, 38, где жило семейство Михаила Федоровича Голицына, свекра Софьи Николаевны. На воротах усадьбы висел список лиц, кто сколько раз должен звонить на входе (сравним с советскими табличками на дверях коммуналок). Список звонков был таков:

- 3 раза – Государь Император
- 2 раза – члены императорской фамилии
- 1 раз – прочие

Софья Николаевна приглашала к себе на рисовальные вечера, описанные С. М. Голицыным в «Записках уцелевшего», молодых художников Л. О. Пастернака, Левитана, Коровина. Уроки рисования давали кн. Г. Г. Гагарин, позднее – Саврасов. Учились рисованию и знатные подруги Софьи Николаевны. Все они помогали молодым художникам находить заказы. Так, в 1886 году Коровиным был написан большой портрет самой Софьи Николаевны, проданный в 1920-х годах по предложению П. П. Кончаловского в Третьяковскую галерею. В конце 1880-х годов Софья Николаевна приняла живейшее участие в судьбе Левитана, которому грозило выселение из Москвы, – она выхлопотала отмену этого распоряжения.

Приведенная в книге акварель Софьи Николаевны изображает ее невестку Анну Сергеевну, мою бабушку, за шитьем туфель, которым та подрабатывала в начале голодных 1920-х годов.

Георгий Сергеевич Голицын

Воспоминания

1 января 1918 года.

Дети и внуки мне как-то сказали: «Почему ты не пишешь своих воспоминаний? Ты знала многих людей, много путешествовала, и, слушая твои рассказы, хотелось бы знать больше, чем то, что ты нам говоришь».

В силу этих слов я и принялась писать, не зная, что выйдет и будет ли это кому-нибудь интересно.

Из детства своего я мало что помню, думаю, что со всеми так. Помню урывками. Например, смерть Государя Николая I, все в трауре, затем дни коронации Александра II, меня повезли к бабушке в дом на Маросейке с чудным видом на Москву, была вечером иллюминация, которой любовались с балкона. Мне было 4–5 лет. Шести лет, после моей няни, которую я очень смутно помню, поступила ко мне горячо мной любимая Отилия Егоровна Пригниц из Ревеля, или, как мы ее потом звали, Отенка. Это было добрейшее, преданнейшее существо, впоследствии поступившее к нам и вынянчившее почти всех моих детей.

В тот день, когда она пришла ко мне, у меня приключилось первое детское горе. Мою канарейку съела кошка, и я горько плакала. К Отилии Егоровне я быстро привыкла, но по-немецки говорить не хотела. Ненависть продолжается и сейчас, и я плохо говорю на этом языке, и, чтобы бесить От. Ег., я всегда ей отвечала на русском, который она знала плохо, особенно в молодости. Со временем она говорила прилично, хотя с акцентом. Весной этого года мы уехали за границу.

Матери прописали какие-то воды, она была слабого здоровья. Мою маленькую сестру Машу оставили в России у бабушки, или «бабеньки», как мы звали милую, баловавшую нас старушку, мать моего отца. Смутно помню пароход, на котором мы уехали из Кронштадта в Штетин. Я была от всего в восторге, бегая по палубе, как у себя дома. От. Ег. от меня не отставала, боясь, чтобы я не попала в море. Была я большая шалунья, резвая и несносная в путешествии, особенно в вагоне! То мне было слишком жарко, то есть хотелось, то спать, и бедной Отенке не было ни минуты покоя, ругала она меня всячески по-немецки, но внимания на это я не обращала, а только твердила: «Ach, lassen Sie mich mit Ihrer Deutschen Zunge!»¹ (вместо Sprache).

Мама² меня баловала и во всю жизнь никогда не наказала! Что это было за ангельское существо – моя мать! Злобы она не знала, ко всем относилась с лаской, любовью, доверием! Она не верила в людское зло, в ненависть, вероломство. Житейская грязь ее не коснулась. А сколько она вынесла неприятностей, когда лишилась, опять-таки по доверчивости к людям, части своего капитала! Позднее безропотно она перенесла большое горе, смерть взрослой дочери. Мягкость, вера в Бога – вот ее характеристика. При этом красивая, породистая наружность. Помню, как какой-то знаменитый акварелист писал ее портрет и как красиво это вышло! Изображена она с нами, двумя дочерьми 7-ми и 4-х лет. Настоящий keepsake³ ее красивая фигура и прелестное лицо. При этом ни тени кокетства, хотя я знаю многих ее поклонников. Она была слишком чиста душой, чтобы позволить себе кокетничать в пошлом смысле этого слова. Жили мы подолгу за границей, и там в баварском городе Вюрцбурге родилась моя сестра Ольга, на 8 лет меня моложе. Ее одну мама могла кормить сама, и, может, поэтому нам каза-

¹ «Ах, оставьте меня с вашим немецким языком!» Здесь употреблено слово «zunge», обозначающее язык как часть тела (нем.). (Прим. ред.)

² Дворянские дети называли родителей на французский манер: «папа и мама», не склоняя по падежам, ударение на последнем слоге. (Прим. ред.)

³ Альбом (кипсек – роскошно изданная подарочная книга с гравюрами начала XIX в.) (англ.).

лось, что любит она ее исключительно и еще больше нас, но ревности во мне это не возбуждало, я и так была счастлива.

Жили мы подолгу в Швейцарии на берегу Женевского озера. Какая была прелесть это озеро, эти горы, эти прогулки, эти цветы и все, что нас окружало! Я бегала по саду гостиницы «Hotel du Cugne» в Верне. Внизу около озера был грот, много камешков, которые я кидала в воду, любуясь кругами. Была там в гостинице старая страшная англичанка, которая меня почему-то полюбила и все звала с собой погулять. Звали ее «Miss England»⁴. Я от нее бегала. Были там и русские, и французы, и немцы, с которыми мамá знакомилась за табльдотом⁵. Она любила заговаривать с обитателями отеля и вообще была очень общительна. Летом мы жили где-нибудь на водах для здоровья мамá. Помню Киссинген, куда приехала наша царская семья, Александр II с женой. Был с ними брат моей бабушки, кн. А. М. Горчаков, и благодаря этому близкому родству с моей матерью ее постоянно звали на вечера и обеды к Царице. И как хороша была она в своем вечернем туалете! Такая статная. Я всегда очень любила мамá нарядной, ее красота еще больше выделялась. В это же лето меня познакомили с дочерью государя Марией Александровной, почти одних лет со мной, мы встречались на прогулках. Великая княжна приходила с фрейлиной А. Ф. Тютчевой, которую я не любила и побаивалась, притом она была ужасно некрасива, а у меня с детства отвращение к некрасивым лицам. Наоборот, на красивое лицо я могу глядеть до неприличия. В Киссингене было в это время много королеванных особ. Однажды королева Баварская подошла ко мне и при моей матери спросила меня, сколько мне лет. Я, не смутившись, бойко ей ответила: «Douz ans»⁶. Мамá за меня сконфузилась и меня поправила, сказав: «Huit ans, Madame»⁷. Меня после подняли на смех за эту выдумку. Но должна сказать, что ложь не была в моем характере и я ее всегда преследовала в моих детях.

По мере того что я пишу, всплывают образы. Помню еще старую Императрицу Александру Федоровну, везут ее в колясочке, по аллее где-то на водах. Мамá мне говорит, что нужно ей поклониться и присесть, когда она поравняется с нами. Вижу, колясочка все ближе и ближе, вижу очень худое, бледное лицо и, робея, вместо поклона, начинаю усердно креститься...

Что впоследствии – не помню.

Вернувшись после зимы в Швейцарии, мы уехали в Россию, к «бабеньке» в Железники. В пути я опять была несносна, шалила, изводила всех и в довершение всего выбросила из окна вагона башмачки моих сестер! Тогда они стоили 200 р. пара. От. Ег. пришла в отчаяние, а мамá ничего!

В Железниках был рай, свобода. Но гулять одной мне не разрешалось. Иногда, удирая из дома, я пряталась в кустах малины, смородины. Слышу голоса ищущих меня и радуюсь, что меня не найдут. А От. Ег. ругается по-немецки.

Так как мы постоянно путешествовали, то года спутались, знаю только, что с 10 лет моего возраста и до 16-ти мы безвыездно жили за границей, которая мне сильно надоела. Жили мы зимы в Верне или в Италии, одну зиму в Вюрцбурге, где родилась моя младшая сестра Катя.

Забыла упомянуть о Петербурге, куда мы иногда ездили повидать родственников Лазаревых, Деляновых, Абамелек, Горчаковых, Нирод и пр. Помню дом армянской церкви, где жила моя тетка Ан. Хр. Делянова. Я ее не любила и побаивалась. Она была замужем за братом отца, у нее был единственный сын, красавец Мими, умер он 12 лет, это горе вынесли родители твердо. Тетка много принимала, вела светский образ жизни, к мужу относилась равнодушно, и после смерти сына ничего их не соединило. Жила она подолгу за границей. Ее вечера в Петер-

⁴ Мисс Англия (англ.).

⁵ Тип меню с набором блюд по определенной цене, аналог комплексных обедов. (Прим. ред.)

⁶ Двенадцать лет (фр.).

⁷ Восемь лет, Мадам (фр.).

бурге славились, весь дипломатический корпус бывал у нее, бывали и разные заезжие принцы. Мужу, моему дяде, она не всегда представляла своих гостей, из чего получались курьезы вроде следующего: дядя в один из таких раутов стоял у двери гостиной и наблюдал за публикой, когда один юный дипломат пробирался к выходу. Дядя, чтоб сказать ему что-нибудь, спросил его по-французски: «Что это вы так рано уходите?» Тот ответил, что ему очень скучно и он едет домой.

На это дядя сказал ему: «Вы счастливы, что можете уехать, а я не могу». – «Почему?» – спросил дипломат. «Потому что я у себя», – ответил дядя. Представляю себе физиономию дипломата.

В том же доме над Деляновыми жила другая моя тетка с семьей – мужем и детьми. Двоюродная сестра моего отца вышла замуж за двоюродного брата кн. Абамелек, у них была большая семья: три дочери и единственный сын, недавно умерший 59 лет.

Эту тетю и ее мужа мы очень любили, отношения с семьей были проще, сердечнее, тетя Лили была красива, обожала мужа, и весь склад их жизни был простой, уютный, а не чопорный, как у тети Анны. Муж ее был недурной художник, много копировал картин очень удачно. Со второй дочерью их, кн. Гагариной, я сошлась близко, так как она жила в Москве. На том же Невском в громадных роскошных комнатах жили старики Лазаревы, родители двух теток и третьей, за границей, Нирод. Старички были типичны. Она – рожд. кн. Манук-Бей турецкого происхождения, была важная старушка. Он – милый, добродушный старик, колоссально богатый. Их семьей был выстроен Лазаревский институт, церковь (армянская), кладбище для армян и пр.

Обеды у стариков Лазаревых были для меня пыткой, как и обеды в Москве на Маросейке по воскресеньям у бабушек – Деляновой и ее сестры Арапетовой. Обеды эти, состоящие из 10 блюд, причем нельзя было смеяться или шуметь, начинались, кажется, в 5 часов и не помню, когда кончались! Заметив мое унылое лицо, бабушка позволяла мне встать между блюдами и пробежаться! После обеда шли в гостиную пить кофе. Гостиная неуютная, как и весь дом, мебель по стенкам, красного дерева. Была комната так называемая боскетная, на стенах что-то нарисовано вроде пейзажа, оббитая плюшем. Дом был громадный, а может быть, он мне в детские годы казался таким. Помню большую залу с бюстами, которые мне почему-то внушали страх, и я ни за что в темноту не могла решиться пройти ее с одного конца до другого. Была девичья, которую я очень любила. Там всегда можно было видеть 5–6 девушек, сидящих за работой, вышивающих что-то тонкое в пальцах. Бывало, заберусь я туда и без умолку болтаю с девушками, пока не окликнет меня кто-нибудь и не услышу знакомую фразу: «*Tu n'es pas une femme de chambre pour rester a bavarder ayec ces filles*»⁸.

Мама почти всегда говорила с нами по-французски. Прожив долгое время в чужих краях, я легче говорила на этом языке, чем на своем родном. Уроки французского брала постоянно всюду, где мы жили, с русским было труднее. Когда мой отец жил с нами за границей, то он занимался со мной, давал мне также уроки арифметики. Эти последние были для меня пыткой. Мой отец, при всей своей доброте, был страшно горяч и вспыльчив. Шла я с трепетом на урок его, крестясь. Я никаких способностей к математике не выказывала и ненавидела ее всей душой, а тут еще эта пытка – отвечать невпопад отцу, зная, что он и приколотит при случае, что и бывало. Заливаясь слезами, уходила после его урока. Папа нас всех не только любил, но и баловал даже больше мамы. У него была одна особенность – никогда никого из нас не называть по имени, а «ангельчик» или «мой ангел», на «вы». И когда спросишь его, которую из нас он зовет, он указывал пальцем! Отца мы очень любили, но совсем по-разному от мамы. Мы сознавали, что он не так близок к нам, и не были с ним так дружно-откровенны, как с матерью. Он был благороден, добр, отзывчив. Одно нас смущало: что он никогда не ходил в церковь

⁸ «Ты не горничная, чтобы сидеть и болтать с этими девушками» (*фр.*).

в последние годы своей жизни, но мамá говорила, что она слышала, как он часто и горячо молился в своей комнате. Мамá он прямо боготворил, постоянно беспокоился о ее здоровье. Какие чудные писал он ей письма за границу, какая в них светилась любовь! Большинство писем по-французски. Помню, в 1861 году, как он прочел Манифест об освобождении, нашим дворовым людям, собрав их всех в зале, сказал, что они все свободны, и как ни один из них не хотел уйти, как они плакали, говоря о его и мамá доброте!

Моя мать постоянно хворала, и для нее мы каждое лето продолжали ездить на воды в Германию, то в Соден, то в Киссинген, Брюкенау, Эмс, Карлсбад и пр. Везде на водах та же жизнь. Раннее вставание, питье воды под звуки вальса или марша, прогулка по аллеям парка, затем вкусный кофе, отдых, безделье. Ванна, завтрак, туалеты к обеду и ранний сон. Когда мне минуло 8 или 9 лет, не помню, повезли меня в Висбаден, где мы потом жили довольно долго. В Висбадене русская церковь, и мы часто постом туда ходили, я узнала, что теперь буду говеть и исповедоваться у священника Янышева.

Это меня смутило и очень волновало. Как сейчас, помню эту первую исповедь, то чувство страха, а когда она кончилась, то радостное настроение, которое продолжалось целый день после Причастия.

Я очень полюбила отца Янышева, видела в нем чуть ли не святого. После он мне давал уроки Закона Божьего, и я с девушкой ездила к нему, так как мы жили где-то недалеко на водах, но не помню где. К несчастью, мои уроки не могли долго продолжаться, мы уехали на зиму в Верне, там меня вместе с русскими уроками Закону Божьему учила г-жа Далматова. Я к ней ходила пешком каждое утро.

В Висбадене мы были опять летом, и там заболела очень сильно воспалением легких моя младшая сестра Катя, ей было 6 недель, а мне уже 12 лет. Я не по годам была высока ростом, и тут, в гостинице Висбадена, мне сделали первое предложение, от которого мы долго хохотали. Какой-то молодой человек, бразилец, начал меня преследовать во время прогулки, старался встречать в коридоре и т. д. и в одно прекрасное утро написал мне письмо, которое горничная передала мамá, а не мне! В этом письме он предлагал мне руку и сердце, увезти в Бразилию, где у него большое состояние в фабрике панамских шляп. Долго дразнили меня этим женихом.

Осень и зиму были мы опять в Верне, и я там наслаждалась сбором винограда. Как красив этот сбор, янтарные и черные грозди винограда, праздничное настроение сборщиков, а главное, кушай себе, сколько хочешь, никто тебя не остановит.

14-ти лет была я в Париже с мамá. Ездили ненадолго навестить сестру мамá, тетю Катю Акинфову, тоже милую и красивую, на 10 лет старше мамá. Красота ее в другом роде, более величественная, черты лица крупнее, но доброта та же. Она моя крестная мать. Париж тогда никакого особенного впечатления на меня не произвел, жили мы на Rue Helder, Hotel Helder. В Лувре была я только один раз и не сумела его оценить. Я заметила позже, что дети-подростки не ценят произведения великих мастеров, с годами я упивалась прелестями живописи и скульптуры. А еще позже, почти старухой, не забуду впечатления от Сикстинской Мадонны, я готова была плакать, глядя на это небесное лицо.

Зиму 1865 года прожили мы во Флоренции. Приехали осенью через Сен-Готард⁹, после лета, проведенного в Люцерне, где мы наняли свою виллу и даже купили шарабан и двух пони, на которых я ездила верхом. Звали этих лошадок Бириби и Пэнс. Раз я свалилась с одного из них, перелетела через его голову, так как дом был близок, пони меня бросил и устремился в конюшню, и я грустно добрела домой. Не любила я Швейцарию, ее грубый народ, строгость – например, нельзя было сорвать груши или яблока. Сейчас денежный штраф! Поднимались мы на Риги, красивый вид оттуда привлекал приезжих. Наняли лошадей, ослов и отправились довольно рано утром. Я то садилась на ослика, то шла пешком. Красивая дорога шла, извива-

⁹ Перевал через Альпы. (Прим. ред.)

ясь и при поворотах открывая дивные виды. Кажется, к вечеру дошли мы да самого высокого пункта горы, где ночевали, утром должны были встать рано, любоваться восходом солнца. И действительно, это дивная картина, много раз описанная. Но что было еще удивительнее для меня, это видеть под нами сильную грозу, а над нами чудное солнце и синее небо. Это было в тот же день позже, когда мы уже собирались уезжать. Спуск легкий, и я все время шла пешком, предпочитая это тряской езде на ослике. Теперь на Риги подъем на *funiculaire*¹⁰.

В Люцерне мамá сильно захворала, даже боялись за ее жизнь. Я была в диком отчаянии, к тому же папá был в России, ждали его позже. Только с Отенкой говорила я о своей горе, мои сестры были еще слишком малы! Целых три недели промучилась я, живя одной надеждой на Бога. Наконец мамá поправилась, отец приехал, и мы собрались уезжать на зиму во Флоренцию. На пароходе по озеру доехали до станции Флюелен и там собирались сесть в дилижанс, но так как нас было довольно много, 8 человек, то места в дилижансе не хватило, и мы наняли *vetturino*, т. е. два наемных экипажа. Дилижанс уехал раньше нас, и вот что случилось.

На первой станции, уже в горах, разбойники напали на дилижанс, убили кондуктора, кого-то ранили, много украли вещей и скрылись. Мы благодарили Бога, второй раз нас явно спасшего от гибели. Расскажу, как спасены мы были в первый раз. Уезжая из России за границу морем (мне тогда было 10 лет), мы в Кронштадте сели на немецкий пароход вместо русского, на который не нашли билетов. Поднялась сильнейшая буря и в продолжение трех дней не утихла. Помню, как усердно я молилась, твердила «Отче наш». Помню раздирающие крики, особенно одного француза, который все твердил: «Oh, ma femme, ma pauvre femme!»¹¹ и т. д. Все кругом трещало, валилось, мы все были больны, охали, плакали, одна От. Ег. была бодрa и помогала как могла – то поднесет таз, то даст пососать лимон. Капитан не терял головы, сохраняя положение. Наконец на третий день к вечеру стало стихать, а к утру мы увидели берег и вошли в реку Одр. По обоим берегам реки стоял народ, кричал нам что-то, махал платками, шляпами. Высадились мы в Штеттине и узнали, что тот русский пароход, на который мы не нашли билетов, погиб!

Возвращаясь к переезду через Сен-Готард. Задержались мы на станции и там ночевали, жутко было ехать, да притом к вечеру. Выехали на другой день, я шла пешком с папá, который рассказывал о походе Суворова, любовались горами, *Pont du Diable*¹² и долго смотрели на бурный ручей под ним. Достигли высшей точки Сен-Готарда, там, где живут монахи и их собаки и где постоянные снега. Приняли они нас хорошо, но мы почему-то торопились ехать, чтобы засветло спуститься в итальянскую долину и ночевать в Беллинцоне. Какой это дивный спуск! Помнится, первая станция была Айзоло, затем Файдо. Быстро меняли нам лошадей, становилось совсем тепло, виноградники, чудный аромат цветов, прелестные итальянские ребятишки, красивые женщины – все чарующе действовало на нас. Переночевав в городке Беллинцоне, мы уже по железной дороге доехали до Флоренции, тут мне память изменяет, в этом ли году ездили мы в Геную и с *vetturino* объехали всю Специю – дивная прогулка, которую жаль проезжать по железной дороге. Останавливались в Пельи, Неройо и прочих очаровательных местах.

Флоренция, куда мы приехали на всю зиму, привлекла нас своей чисто итальянской грацией и перенесла воображение в эпоху *cinquecento*¹³, когда развитие художества и творчества достигло своей апогеи. Что за чудо архитектуры и зодчества *piazza della Signoria*¹⁴, *Loggetta*¹⁵ с Персеем Бенвенуто Челлини и др.!

¹⁰ Фуникулер (*фр.*).

¹¹ «О, моя жена, моя бедная жена!» (*фр.*).

¹² Чертов мост (*фр.*).

¹³ Чинквеченто – XVI в. (*ит.*).

¹⁴ Площадь Синьории (*ит.*).

¹⁵ Лоджия Ланци (*ит.*).

Устроились мы сперва в гостинице Лунгарио, а затем в частном доме у маркиза Калкани, нашли эту квартиру через одного знакомого итальянца, друга, маркиза. Квартира была хороша, в третьем этаже с чудным видом на город, реку Арно, холмы Фьезоле, Сан-Миниато и т. д. Устроились удобно, взяли отличного повара-итальянца. Семья маркиза состояла из отца, толстого, добродушного, матери – постоянно больной и двоих детей, Чекины и Гвидо. Чекина была моих лет. Тип был ее не итальянский, она была белокура и толста, а Гвидо был прямо красавец. Стройный брюнет вскоре вскружил мою 14-летнюю голову. Прогулки пешком, в экипаже, всегда вместе. Осмотр церквей, музеев, галерей тоже с ними. Cascino – излюбленная прогулка флорентийского бомонда – нас часто привлекала, благо мы жили совсем близко. Между четырьмя и шестью часами вечера в Cascino¹⁶ стекаются все, чудные экипажи break four in hand¹⁷ чередуются с амазонками и кавалерами верхами. Во Флоренции видела я в первый раз знаменитую, уже немолодую Ристори и пришла в восторг от ее игры. Видела я драмы «Medea», «Le Cid»¹⁸. Дивный итальянский язык так гармонировал с чудными стихами, интонациями артистки, никогда ее не забыть... Я училась по-итальянски у Матильды Джарре, она мне давала и французские уроки. Батюшка давал уроки Закона Божьего. Ездили мы в русскую церковь и были представлены вел. кн. Марии Николаевне, дочери Николая I. Ее чудный профиль был нам виден, когда мы, стоя позади, слушали богослужение. Познакомились мы с семьей Оболенских. Княгиня, рожд. Сумарокова, жила с большой семьей. Дочь Катя со мной подружилась, впоследствии она вышла замуж за доктора Р. Я. Боткина. Был еще сын Оболенских Сергей и дочь Зоя.

К Оболенским часто ездили младшие сыновья – вел. кн. Сергей и Юрий Максимилиановичи Лейхтенбергские. Сергей был прелестный юноша, в 1878 году он был убит во время рекогносцировки у Горного Дубняка в войне с турками. Сергей Оболенский и Юрий Лейхтенбергский за мной немного ухаживали, но я не изменяла Гвидо! У Оболенских устроился спектакль «Женитьба» Гоголя, но мы были зрителями. Сергей Максимилианович прекрасно исполнил роль невесты. После спектакля танцевали. Ездили мы и в Quarto¹⁹, где жила вел. кн. Мария Николаевна, и в Pratolino²⁰, имение Демидовых, где хранятся сувениры Наполеона I – его кровать и пр. Это имение принадлежит теперь моей кузине кн. Абамелек-Лазаревой, рожд. Демидовой. В парке виллы громадная скала-статуя «L' Arpenin»²¹.

Прогулок кругом Флоренции много, и все удивительно живописны. Фьезоле со своим старым Аббатством, Сан Миниато, откуда чудный вид на Флоренцию и его дивный собор Duomo²². Съездили мы и в Рим, который я, как и Флоренцию, опишу позже, когда я приехала туда уже замужем и могла сильнее оценить всю красоту этих городов.

В Риме прожили мы недолго, вернулись во Флоренцию, где продолжали тот же образ жизни в кругу знакомых. Были еще из русских кн. Друцкой, муж разведенной гр. Нессельроде, и ее отец – старик гр. Закревский, которого Маркевич описал в своем романе «Четверть века назад». Закревский, невзирая на нашу высокую лестницу, довольно часто к нам приходил, но в один прекрасный день лестница сыграла с ним злую шутку. Граф, вернувшись домой, лег и не встал! Он в то время был московским генерал-губернатором. В день отпевания и меня взяли в церковь.

Пасха прошла очень весело. После службы в церкви мы были приглашены на разговение к вел. кн. Марии Николаевне. Было много русских, наши друзья Оболенские и Лейхтенбергские.

¹⁶ Вероятно, имеется в виду парк Delle Cascine. (Прим. ред.)

¹⁷ Четверкой (англ.).

¹⁸ Драмы Пьера Корнеля «Медея», «Сид» (фр.).

¹⁹ Кварто – район Флоренции. (Прим. ред.)

²⁰ Пратолино – район Флоренции. (Прим. ред.)

²¹ Статуя «Аллегория Аппенин», работы Джамболоньи, он же Жан де Булонь. (Прим. М. Г. Голицыной)

²² Вероятно, имеется в виду Duomo – главный собор города. (Прим. ред.)

Великая княгиня всех обходила за столом. Когда она дошла до меня, я сконфузилась, вскочила, она положила мне руку на плечо и поцеловала. Я очень была счастлива. Вскоре мы покинули Флоренцию и опять поехали на воды в Карлсбад и Мариенбад рядом. В Карлсбаде опять то же, что и в других «бадах». Был там интересный старик – поэт кн. Вяземский, который к нам ходил и стихи которого на скале над городом²³. Написал он стихи и мамá в альбом.

Осенью поехали в Венецию через Вену и чудный, живописный Земмеринг²⁴. Приезд ночью по лагуне в Венецию, черные гондолы, каналы, все особенно действует на душу!

Зима, которую мы прожили в Венеции, захватила меня своей своеобразной поэзией и чарующей грацией. Там все гармония – дворцы, каналы, лагуны, цвет воды, гондолы, мосты, женщины, – все так и просится на холст или в стихи. Жили мы в Hotel Bellione²⁵, в самом углу площади Сан-Марко и против боковой стены этой единственной в мире церкви. В этой же гостинице, типа *penzion*²⁶, жили почти все одни русские знакомые, за исключением нескольких англичан. Из числа знакомых семья кн. Гр. Гр. Гагарина, Бутурлина с дочерью, впоследствии гр. Салтыкова, тетя моя Соллогуб с дочерью, вышедшая позже замуж за гр. А. В. Олсуфьева. Жили мы дружно, весело. Ежедневные обеды и проведенные вместе вечера очень нас сблизили. Тетя М. Соллогуб, румынка, по рождению Розновано, была черная некрасивая женщина, говорившая несколько в нос. Она обожала свою единственную дочь Китти, старше меня на четыре года и с которой я очень скоро сблизилась. М. С. Бутурлина была тоже старше меня и почему-то очень меня полюбила, восхищалась моей фигурой, лицом, живостью характера и в своей экзальтации сравнивала меня то с женскими головками Леонардо, то с героинями романов. Я краснела от ее комплиментов и очень была довольна. Семья Гагариных состояла из отца, кн. Гр. Гр. Гагарина, художника в полном смысле слова, культурного, понимающего живопись, как редко кто. С ним я начала свое художественное образование. Он мне говорил про стили, орнамент разных эпох, показывал дефекты и так умел заинтересовать, что слушать его и ходить с ним по церквям и галереям было истинным наслаждением!

В конце зимы я уже хорошо различала великих мастеров живописи и стили разных времен.

Кн. Соф. Анд. Гагарина была светски любезная *grande dame*²⁷ из придворной среды, очень умная, но при ней, при всей ее любезности, мы, молодежь, чувствовали себя стесненными.

С детьми Гагариных я быстро сошлась, особенно со старшим сыном Гришей и дочерью Мари, которая позже вышла замуж за Раевского. Вторая, Стази, была прелестная девочка с чудными черными глазами. Младший сын, Андрей Гагарин, был отчаянный шалун. Была еще у князя дочь от его первого брака – Рита, но она к нам не подходила по характеру и держалась как-то особо. Старушка М. С. Бутурлина была умная, оригинальная, подчас замечательно остроумная, и мы все ее любили. При моей троюродной кузине Китти была гувернантка *m-elle Pravline*, с которой дружила наша Оленька. С этими двумя телохранителями шли мы вместе гулять и на музыку австрийскую (тогда Венеция еще не была покорена) ходили по *piazz'e*, не останавливаясь у кафе, это было запрещено, глядели с завистью, как ели все мороженое со сладкими пирожками или требовали *granito*, тоже род мороженого, но не такое крутое.

Часа два шагали мы по этой дивной площади, болтая без умолку, хохоча, за что получали «реприманд». Какие дивные воспоминания всплывают, когда я переносусь в это чудное, спокойное время, особенно теперь, при сравнении с пережитым 17-м годом!

²³ Стихотворение П. Вяземского «Петр I в Карлсбаде» начертано на мраморной плите у подножия памятника Петру I, расположенному на скале. (Прим. ред.)

²⁴ Горный курорт в Австрии. (Прим. ред.)

²⁵ Вероятно, имеется в виду отель Baglioni. (Прим. ред.)

²⁶ Пансион (фр.).

²⁷ Гранд-дама (фр.).

Увидят ли мои дети и внуки царицу Адриатики, столь горячо мной любимую? Сколько раз, приезжая в Венецию, я ощущала какое-то особенное чувство, точно я вернулась в свое родное гнездо, все мне казалось своим, милым, дорогим, и если верить в переселение душ, то я когда-нибудь жила в Венеции, была там счастлива! Даже дожди, дурная погода не влияли на мое настроение, оно было всегда приподнятое, праздничное. Вместе с Гагариными устроились наши уроки музыки, рисования. Андрей, который всегда неимоверно шалил, за что получал жестокие упреки отца, до того был забавен в своих шалостях, что даже князь хохотал и тем ему прощал проделки. Уроки музыки с maestro Pessarini меня увлекали, он сам дивно играл, сочинял и был так красив!

Ездили мы иногда ночью по Canale Grande²⁸, нанимали лодку с певцами, которых почему-то называют pittori – «живописцы». Может быть, они действительно занимаются живописью, но нам они дивно пели национальные свои песни, такие поэтичные! Слушая их, уносились мои мысли далеко, на душе было легко, смутные желания волновали грудь, и взоры встречались...

Против меня в гондоле сидел Гр. Гр. Гагарин и упорно на меня глядел своими большими черными глазами, позже я узнала о его юношеском увлечении мной. Этому чувству, думаю, способствовал его отец, явно восхищавшийся моим типом «Leonardo» и постоянно рисовавший меня то в гондоле, то где-нибудь под портиком. Гораздо позже на петербургской выставке, устроенной в память кн. Гр. Гр. Гагарина, я себя нашла в эскизах князя и вновь воскресла во мне дорогая Венеция и чудное время моей счастливой молодости!

Наши поездки вечером, особенно при лунном свете, учащались. Старый князь был нашим bon en train²⁹. Подвижный, веселый, он всех подзадоривал к какой-нибудь экскурсии, а мы, молодежь, его в этом поддерживали. Приглашались певцы, нанимались открытые гондолы, и вся наша компания, усевшись по вкусу кто с кем – я, конечно, там, где Гриша с сестрой Мари, – веселые, радостные, отчаливали шумно около мостика, где всегда собирались. Любили мы останавливаться под сводами Ponte di Rialto³⁰, где особенно звучали голоса и гулко разносились по воде красивые слова песни... Пели наши любимые арии «O bella Napoli»³¹ или «Sorrentina»³² и др. Я успешно занималась вторую зиму по-итальянски и могла порядочно объясняться на языке Данте. Память у меня была хорошая, я много заучивала стихов и любовалась их звучной красотой. Уроки рисования шли успешно, старый князь хвалил меня, но почему-то в то время, мне было 15 лет, я не увлекалась этим и лишь пять лет спустя, уже замужем, в Риме, я усердно копировала картины и этюды у одного знаменитого художника.

Постом мы все говели и ходили в греческую церковь. Исповедовалась я у греческого священника-монаха, который спрашивал мои грехи по-итальянски, а длинную молитву, перечисляющую все мои провинности, прочел по-гречески. На этом языке я знала одну молитву: «Отче наш», которой выучила меня знакомая гречанка, фамилии ее не помню.

В Венеции познакомились мы с итальянцами – графом Agricola с женой, очень милыми людьми. Их дом, чисто итальянский или скорее венецианский, был уютен. Залы почти без мебели, каменный пол, большие камин, несколько стульев, резных с высокими спинками, гобелены, картины предков во весь рост – вот его убранство. О современном комфорте нечего было и думать, быть может, теперь эти palazzo³³ снабжены ванными и канализацией, но в 1866 году их не было, и нередко из окна дома выбрасывались в канал всякие нечистоты, и воздух был не из чистых. И несмотря на это, чарующее впечатление от Венеции не страдало.

²⁸ Гранд-канал (ит.).

²⁹ Имеется в виду «хороший заводила» (en train – в форме, в хорошем настроении) (фр.).

³⁰ Мост Риальто (ит.).

³¹ «О, прекрасный Неаполь!» (ит.).

³² Вероятно, имеется в виду неаполитанская песня «Вернись в Сорренто» (ит.). (Прим. ред.)

³³ Дворцы (ит.).

Весной шли дожди, но, невзирая на это, мы выходили ежедневно, шагая под сводами Procuratie³⁴, любясь магазинами, в которых преимущественно торгуют венецианскими хрустальными вещами, тонкими, изящными, мозаикой, кожаными изделиями с выбитыми золотыми рисунками, конфетами, фотографиями и т. д. Здесь всегда, в хорошую и дурную погоду, rendez-vous³⁵, и кофейные хорошо торгуют.

Могу сказать несколько слов о дивной церкви св. Марка, которая как-то особенно поражает православную душу. В XI веке, говорят, византийский стиль сменил романский. Но фасад с готическим орнаментом придает еще более фантастичности ее целому. Вместе с тем вся эта удивительная церковь производит впечатление вполне цельное. Мощи св. Марка покоятся там. На левой стороне алтаря я заметила славянскую икону Богоматери, но не могла прочесть какая, может быть, эта икона была пожертвована какой-нибудь русской. Стоя здесь, хотелось молиться, вспоминались наши церкви, соборы.

³⁴ Прокуратура (*ит.*).

³⁵ Назначают встречи, свидания (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.